

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 821.161.1:81'255.2
doi: 10.17223/23062061/30/1

ПОВЕСТЬ А.П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Дарья Александровна Олицкая¹,
Виктория Викторовна Черткова²

^{1, 2} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *d.olitskaya@mail.ru*

² *vv.chertkova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию англоязычной переводческой рецепции повести А.П. Чехова «Степь». Представлен обзор переводов повести (Э. Кэй, К. Гарнет, Р. Хингли, Р. Уилкса, Р. Пивера и Л. Волохонской) в их связи с общими этапами восприятия прозы Чехова в Англии и США, а также в контексте традиций и подходов к переводу русской классики в англоязычной культуре. На основе сравнительно-сопоставительного анализа выявляется проблема передачи в переводах образа степи, в частности его пространственных характеристик.

Ключевые слова: А.П. Чехов, повесть «Степь», художественный перевод, англоязычная рецепция

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90031.

Для цитирования: Олицкая Д.А., Черткова В.В. Повесть А.П. Чехова «Степь» в англоязычных переводах // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 5–21. doi: 10.17223/23062061/30/1

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

ANTON CHEKHOV'S NOVELLA *THE STEPPE* IN ENGLISH TRANSLATIONS

Daria A. Olitskaya¹, Victoria V. Chertkova²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ d.olitskaya@mail.ru

² vv.chertkova@mail.ru

Abstract. Chekhov's works have been actively translated into English for 130 years; however, these translations have scarcely been addressed systematically and remain understudied. This is especially relevant in case of his stories and novellas. This article focuses on the translations of Chekhov's *The Steppe* – a novella that marked the writer's transition from early stories to mature prose. The 20th and 21st centuries have seen five English translations of *The Steppe*, which mark five main stages of its reception. The novella was first introduced to the English-speaking reader by E.L. Kaye in 1916. Though highly criticized for literalism and unsuccessful methods of translating Russian realia, Kaye's translation played an important role in the development of the creative dialogue between Chekhov and K. Mansfield, which clearly reflected the influence of Chekhov's prose on the formation of modern English literature. The canonical translations by C. Garnett determined Chekhov's reception in England and the United States from the 1920s to the 1950s. The translator introduced Chekhov to the English-speaking reader as an artist of Russian life, a master in depicting various types of characters, and as a thorough researcher of a person's inner world. This vision determined a specific perspective in the 1919 translation of *The Steppe*, where Father Christopher is foregrounded as a collective image of the Russian clergy. In the new stage of perception in the 1970s–1980s, Chekhov, a foreign writer, was organically accepted by the English-speaking culture as "its own". This stage brought about the translation of *The Steppe* by R. Hingley, who authored two monographs about Chekhov and was the editor of *The Oxford Chekhov* (1964–1980). Hingley considered Chekhov's mature prose as the most valuable part of the writer's literary legacy. For the first time, *The Oxford Chekhov* adequately describes *The Steppe* as Chekhov's landmark work. The strategy of cultural appropriation in Hingley's translation implied modernization of Chekhov's language. The translations by R. Wilkes (2001) and R. Pevear and L. Volokhonsky (2004) represent the latest stage in the English-language reception of *The Steppe*. They are associated with the general trend towards updating the corpus of translations of Russian classics into English in the 2000s. In their translation, Pevear and Volokhonsky use the strategy of estrangement, opposed to "smooth" translation, typical for English culture. The translators' interest in the novella resulted from Chekhov's genre innovation. All the translations of *The Steppe* are independent representations of the original, which demonstrate the productive recep-

tion of the novella in the English-language culture of the 20th and 21st centuries. Their comparative analysis has revealed that the biggest challenge in translation is the image of the steppe, which is associated with the main philosophical meanings of the work. This is evidenced by the significant transformations of the motifs of space and distance, which form the spatial dominant of the image in the original. In most translations, the semantically integral motifs of the original break into a number of components with weaker meanings. The research has shown that these transformations come from objective cultural and linguistic differences that limit the possibilities of a full-fledged translation, as well as from individual strategies of translators, who differently assess the role and meaning of these verbal motifs in the original text.

Keywords: Anton Chekhov, *The Steppe*, literary translation, English reception

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90031.

For citation: Olitskaya, D.A. & Chertkova, V.V. (2022) Anton Chekhov's novella *The Steppe* in English translations. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 30. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/30/1

История переводческой рецепции наследия Чехова в англоязычном мире насчитывает 130 лет (первым на английский язык был переведен рассказ «Дома» в 1891 г.). Как отметила М.А. Шерешевская, неустанное и неуклонное стремление по возможности максимально приблизить английские переводы Чехова к подлинникам является свидетельством любви к русскому писателю в странах английского языка [1. С. 398]. Можно утверждать, что и в XXI в. она находит новые подтверждения. Так, в 2014 г. Британский фонд Антона Чехова, возглавляемый чеховедом и переводчицей Розамундой Бартлетт, объявил о проекте «Перевод раннего Чехова» (Early Chekhov Translation Project), цель которого – силами переводчиков-добровольцев дать англоязычному читателю возможность познакомиться со многими ранее недоступными ему произведениями Антоши Чехонте. В первый том издания вошли более 60 текстов, которые впервые получили свое воплощение на английском языке.

Учитывая, что «литературное взаимодействие имеет характер прежде всего переводов» [2. С. 139], актуальной задачей современного чеховедения, ставящего в центр внимания вопросы восприятия наследия писателя в мировой культуре, является систематизация, анализ и оценка накопленного на данный момент внушительного корпуса англоязычных переводов его произведений. Ключевая роль переводов в рецепции творчества Чехова не только как конкретной формы ее осуществления, но как первого и необходимого ее условия очевидна. Она подтверждается мнением ряда критиков, литературоведов, переводчиков и издателей, чьими усилиями чеховское творчество стало широко известно в Англии и Америке.

Первый оценивший величину таланта Чехова писатель и журналист А. Беннет подчеркивал, что ранние английские переводы рассказов Чехова из-за своего низкого качества не позволяли критикам сформировать о писателе однозначного мнения [3. Р. 88]. Свои сомнения в адекватности критических оценок, основанных на «приблизительных» и «грубых» переводах, «искажающих манеры, своеобразие, характер» русских писателей, в их числе Чехова, высказывала В. Вульф [1. С. 380]. По наблюдениям М.А. Шерешевской, выводы Дж. Голсуорси о «пагубном влиянии» Чехова на молодых английских новеллистов также были в значительной степени обусловлены ранними переводами, которые не раскрывали новаторских принципов поэтики писателя [1. С. 381]. Вместе с тем любые переводы выполняли свою главную функцию – знакомили широкого читателя с Чеховым. От выбора переводчика зависело, увидят ли читатели и критики в Чехове «художника бесполезно протекающей жизни» (Р.Э.К. Лонг), мастера тонкого психологического анализа (С.С. Котелянский и Дж.М. Марри) или «русского О’Генри» (И. Гольдберг и Г.Т. Шниткинд). С ростом популярности личности и творчества Чехова в англоязычном мире увеличивалось количество конкурирующих переводов его произведений, ситуация переводной множественности сформировала почву для размышлений о специфике художественного метода писателя с точки зрения возможностей его воплощения средствами английского языка [4].

В разнообразном перечне работ, посвященных вопросам восприятия наследия Чехова в англоязычном мире, на сегодняшний день можно выделить лишь две, в которых переводческая рецепция его отдельных произведений стала предметом специального интереса и получила комплексное освещение. В диссертации Т.Б. Аленькиной [5] рассматривается феномен адаптации чеховской «Чайки» в англоязычных переводах, в исследовании Е.В. Селезневой [6] целостно изучены переводы повести «Скучная история» на английский язык в их соотношении с литературно-критическим и литературоведческим восприятием. Данные исследования показывают продуктивность подхода, при котором сравнительно-сопоставительное изучение множественных переводов, присутствующих в принимающей культуре, дает представление о глубине постижения смыслов оригинала и их трансформациях в ином национальном и культурном контексте.

В нашем исследовании мы обращаемся к рассмотрению истории англоязычной переводческой рецепции повести А.П. Чехова «Степь», основным объектом внимания в сравнительном анализе являются особенности репрезентации образа степи в переводах повести, выполненных

Э.Л. Кэй (1915), К. Гарнет (1919), Р. Хингли (1980), Р. Уилксом (2001), Р. Пивером и Л. Волохонской (2004).

Период первого знакомства англоязычной публики с повестью «Степь» пришелся на середину 1910-х гг. Именно к этому времени в Англии и США уже сформировался достаточно высокий интерес к творчеству Чехова. Ежегодно в свет выходило сразу несколько сборников рассказов (в переводе Р. Лонга, М. Фелл, С. Котелянского и др.), как правило, включавших и впервые переведенные, регулярно появлялись критические статьи и обзоры опубликованных переводов с их оценкой. В 1915 г. в Лондоне вышел сборник «The Steppe and Other Stories» [7], переводы для которого выполнила Эделин Листер Кэй. О личности переводчицы на данный момент ничего не известно. Кроме заглавной «Степи» сборник, опубликованный в 1916 г. также и в США, содержал восемь рассказов, написанных Чеховым в период с 1886 по 1899 г.: «В овраге» (1899), «Перекасти-поле» (1887), «Ванька» (1886), «Кошмар» (1886), «Тоска» (1886), «Человек в футляре» (1898), «Крыжовник» (1898), «О любви» (1898). Структура сборника показывает скорее случайный принцип отбора и расположения рассказов как в тематическом, так и хронологическом отношении, что было характерно в целом для издательских и переводческих стратегий того времени. В небольшом предисловии переводчицы получили отражение представления о Чехове как писателе, дающем глубокую трактовку «русской натуры», но с мрачным взглядом на жизнь. Пантелея из чеховской «Степи» Кэй приводит в пример как типичного героя чеховских рассказов – мужика, принимающего любой удар судьбы «с достоинством стойков» [8. Р. V].

Переводы Кэй получили невысокую оценку критиков за буквализм и неумелые приемы передачи русских реалий [1. С. 375], это позволяет предположить, что она не занималась переводами профессионально. Тем не менее, по-видимому, именно этот сборник переводов сыграл важную роль в творческом диалоге К. Мэнсфилд – А.П. Чехов. Так, рассказ Мэнсфилд «Prelude», ознаменовавший ее переход к новой, «чеховской» манере, несет на себе явные следы воздействия «Степи» [9], с которой английская писательница, скорее всего, познакомилась благодаря переводу Кэй. О том, что Мэнсфилд считала «Степь» одним из главных произведений Чехова, позволяет судить ее следующее высказывание в одном из писем: «Я перечла “Степь”. Что тут можно сказать? Это просто одно из самых великих произведений мировой литературы – своего рода “Илиада” или “Одиссея”. Я, кажется, выучу это путешествие наизусть. Есть вещи, о которых говоришь – они бессмертны...» [9]. Отметим также, что рассматриваемый сборник пережил ещё одно издание в 1970 г.

[8], это позволяет считать перевод, выполненный Кэй, полноправной репрезентацией чеховской «Степи» в англоязычной культуре.

Практически одновременно с переводами Кэй, в 1916 г. в лондонском и нью-йоркском издательствах вышли в свет два первые тома собрания «The Tales of Tchekhov» («Рассказы Чехова») [10, 11] в переводах Констанс Гарнет, к тому времени уже заслужившей прочную репутацию лучшей переводчицы русской прозы. Из представленных в тринадцатитомном собрании Гарнет двух сотен рассказов и повестей Чехова более половины были впервые переведены на английский язык. Хронология внутри томов по-прежнему не соблюдалась, однако в предисловии к изданию была заявлена тематическая классификация, согласно которой рассказы распределялись по томам: юмористические рассказы; рассказы о провинции и ее многообразных типах – помещиках, чиновниках, учителях и т.д.; рассказы о деревенской жизни; рассказы о людях странных, деклассированных; психологические этюды. Таким образом, классификация представляла англоязычному читателю Чехова как художника русской жизни, мастера в изображении разнообразных типов героя, а также тонкого исследователя внутреннего мира человека. Перевод «Степи» был включен Гарнет в седьмой том издания «The Bishop and Other Stories» (1919) [12] наряду с рассказами «Архиерей» (1902), «Святой ночью» (1886), «Кошмар» (1886), «Перекасти-поле» (1887), «Убийство» (1895), что задавало определенный ракурс восприятия повести. На первый план выдвигалась фигура отца Христофора, включенная в собирательный образ русского духовенства.

В 1920-х гг. большинство английских и американских критиков практически безоговорочно признали за Гарнет первенство в переводах Чехова. В качестве их главных достоинств назывались содержательная и стилистическая точность, благодаря которым англоязычный читатель, наконец, открыл для себя русского писателя. Об особом статусе классики, который получили гарнетовские переводы Чехова в англоязычной культуре, свидетельствует количество их переизданий. Можно говорить о том, что в 1920–1950-е гг. перевод Гарнет, многократно публиковавшийся в составе различных антологий и сборников, выполнял функцию основной репрезентации чеховской повести на английском языке не только для читателей, но и для исследователей творчества писателя.

Третий перевод «Степи» на английский язык появился в 1980 г. и был выполнен профессором Оксфордского университета Рональдом Хингли, автором двух монографий о Чехове [13, 14], переводчиком и редактором «Оксфордского Чехова» («The Oxford Chekhov», 1964–1980 гг.) [15], одного из самых полных зарубежных собраний сочинений писателя. Данное издание отражало специфику нового этапа (1970–1980-е гг.) восприятия Чехова.

Как отмечают Т.Н. Красавченко и С.Д. Серебряный, она заключалась не только в факте органичного приятия англоязычной культурой иностранного, «чужого» писателя как «своего», но и в присвоении приоритета «на подлинность понимания его наследия» [16]. Нам представляется, что именно такая позиция была характерна для Хингли как переводчика Чехова. Выражалась она преимущественно в двух моментах. Во-первых, проанализировав опыт своих предшественников, Хингли выдвинул и реализовал в качестве главного требования к переводам естественность звучания чеховских текстов на английском языке, которая подразумевала и использование его современного разговорного варианта. Такая установка указывает на натурализацию и модернизацию как стратегии присвоения культурой «чужого» текста через перевод. Во-вторых, академическое издание «Оксфордский Чехов» Хингли опиралось на глубокое изучение творчества и жизни писателя и представляло собой первый прецедент системного осмысления его восприятия англоязычной культурой.

Самой ценной частью наследия Чехова Хингли считал его зрелую прозу, именно ей были отведены шесть томов «Оксфордского Чехова» из девяти, чеховские тексты впервые располагались в них с соблюдением хронологии. Перевод «Степи» открывал четвертый том, включавший рассказы и повести 1888–1889 гг. Тем самым в издании было впервые адекватно отражено место повести как рубежного произведения, разделяющего раннее и зрелое творчество писателя. Масштабность предпринятого издания и высокая оценка, данная ему английскими рецензентами, обусловили закрепление за переводами Хингли статуса канонических в англоязычной культуре, что ставит их в один ряд с переводами Гарнет.

Последние два перевода чеховской повести, представляющие современный этап ее англоязычной рецепции, вышли в свет в 2000-х гг. и отразили общую тенденцию к обновлению переводов русской классики на английский язык. В 2001 г. новый перевод «Степи» выполнил Рональд Уилкс. Выпускник Кэмбриджа и Лондонского университета, Уилкс, благодаря сотрудничеству с издательством «Penguin Books», стал одним из наиболее продуктивных переводчиков русской классической литературы (Пушкин, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Толстой, Чехов, Горький, Сологуб). Уже традиционно озаглавленный как «The Steppe and Other Stories» [17], сборник стал первым из трех¹, переведен-

¹ Два других сборника: Chekhov A. Ward No. 6 and Other Stories, 1892–1895 / translated with Notes by Ronald Wilks with an Introduction by J. Douglas Clayton. L. : Penguin Books, 2002. 368 p. [18]; The Lady with the Little Dog and Other Stories, 1896–1904: Translated with Notes by Ronald Wilks with an Introduction by Paul Debrecezeny. L. : Penguin Books, 2002. 384 p. [19].

ных Уилксом для «Penguin Books», и содержал вместе с открывавшей его «Степью» семь рассказов и повестей Чехова 1887–1891 гг. («Свирель» (1887), «Поцелуй» (1887), «Верочка» (1887), «Именины» (1888), «Скучная история» (1889), «Гусев» (1890), «Дуэль» (1891)), при этом хронология их появления в структуре сборника вновь не учитывалась.

Наконец, самый современный перевод «Степи» принадлежит дуэту нью-йоркских переводчиков Р. Пиверу и Л. Волохонской, создавшим в начале 2000-х гг. новый корпус переводов русской классической литературы на английский язык (Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов, Булгаков). В его основу была положена «остраняющая» стратегия перевода (форенизация), противопоставленная укоренившейся в англоязычной культуре стратегии «сглаживающего» перевода (доместикации), которую Л. Венути подверг критике за ее этноцентризм [20]. Метод Пивера и Волохонской, воплощенный в переводах рассказов и повестей Чехова, получил противоречивые оценки. В частности, англоязычные критики отмечают, что слишком прямолинейное следование оригиналу в целях форенизации лишает читателя возможности почувствовать чеховскую иронию [21].

Перевод «Степи», выполненный Пивером и Волохонской, дал заглавие сборнику, впервые опубликованному в 2004 г. и включавшему еще четыре самые крупные по объему повести Чехова: «Дуэль» (1891), «Рассказ неизвестного человека» (1893), «Три года» (1895) и «Моя жизнь» (1896). Эти повести были отобраны, по словам Пивера, написавшего предисловие к сборнику, как дающие наиболее полное представление о жанровом новаторстве писателя, так как в них «хронотоп полноценного романа был реализован “экономными” средствами короткого рассказа» [22. Р. X]. «Степь», таким образом, представлена в сборнике как первое произведение Чехова, в котором отразились эти жанровые преобразования.

Интересная попытка анализа четырех из пяти перечисленных переводов «Степи» на английский язык содержится в статье переводчика, преподавателя русского языка, русской культуры и перевода в Университете Флориды А. Бурака «Чеховская “Степь”: ”ещё“ или “до сих пор”? На каком английском говорит Чехов?» («“Still” or “Yet” in Chekhov’s “The Steppe”? What Kind of English does Chekhov Speak?») [23]. Автор исходит из установки, согласно которой переводная множественность создает наилучшие предпосылки для понимания оригинала в чужой культуре. По его мнению, каждый из рассматриваемых им переводов «Степи» (Э.Л. Кэй, К. Гарнет, Р. Хингли, А. Миллера, Р. Пивера и Л. Волохонской) обладает своими достоинствами и недостатками, это лишь один из «голосов», которым Чехов говорит с англоязычным чита-

телем, и все они достойны быть услышанными. Выделив в качестве основных переводческих стратегий нейтрализацию, доместикацию (или натурализацию), форенизацию, контаминацию и стилизацию, на отдельных примерах Бурак убедительно показывает, что во всех переводах чеховской повести можно наблюдать их различные комбинации. Например, при переводе фразы отца Христофора «Ну да! Дулю мне под нос, а не гроши» Кэй прибегает к нейтрализации, выпуская целое предложение; Гарнет, Хингли и Миллер используют английские разговорные идиомы (fiddlesticks – дудки, kicks – пинки), реализуя прием доместикации, а Пивер и Волохонская предпочитают форенизацию, оставляя в переводе «A fig under my nose» и поясняя читателю значение выражения в сноске. Кроме этого, автор статьи перечисляет ряд проблем, с которыми столкнулись переводчики повести: от передачи украинизмов в речи персонажей до воссоздания в переводах таких сложных концептов, как «зло» и «скука». Вместе с тем за пределами обозначенной Бураком переводческой проблематики остался главный образ чеховской повести.

Повесть «Степь» была написана А.П. Чеховым в 1888 г. и, по общему мнению исследователей, стала поворотной для писателя и русской литературы [24, 25]. Повести посвящен ряд фундаментальных работ отечественных и зарубежных ученых, которые раскрывают новаторство созданного в ней образа степного пространства. Особенно в них подчеркивается глубина его внутреннего содержания. Отличаясь реалистической конкретностью, «энциклопедичностью», он одновременно несет в себе значительные идейно-художественные обобщения, в центре которых находится тема «природа и человек» [24]. По словам Н.Е. Разумовой [26], степь обретает в повести характеристики определяющего пространственного ориентира в творчестве А.П. Чехова, выступает как организующая метафора авторской картины мира. Исследователь отмечает, что в своей повести Чехов впервые достиг той масштабности содержания и той гармоничности его воплощения, которые будут характерны для его зрелого творчества.

В дискуссионном ключе в работах чеховедов рассматривается вопрос о национальном измерении образа степи у Чехова, который приобретает особое значение в контексте англоязычных переводческих интерпретаций повести. На связь географического фактора с фактором ментальным указывали в своих работах В.С. Соловьев, К. Леонтьев, Н.А. Бердяев, Г.Д. Гачев и др. Часто цитируемым является высказывание Н.А. Бердяева о связи «пейзажа русской души» с «пейзажем русской земли». Следуя этой логике, Ю.Г. Пыхтина относит степной пейзаж к сквозным пространственным образам русской литературы,

имеющим национально-специфическую окраску. С одной стороны, он олицетворяет свободолюбие русского человека, удаль, бесшабашный размах и широту его души, а с другой – передает всепоглощающую и неутолимую его тоску, рожденную бесконечным величием степных просторов [27]. Рассматривая образ степи в чеховской повести, исследователи связывают его с национальной традицией как в проблемно-тематическом, так и в жанрово-поэтическом аспекте, но в то же время указывают, что национальная проблематика дополняется в нем более глубокой бытийной.

Основной пространственной характеристикой степи в повести Чехова является ее бесконечная протяженность – простор, который не имеет «внутренней направленности, выстроенности, осмысленной изменчивости» [26. С. 86]. Как отметил В.Б. Катаев [28. С. 42], авторский ключ к интерпретации степной темы Чехов дал в своем письме к Д. Григоровичу от 5 февраля 1888 г. в связи со своими мыслями о возможном продолжении повести. В нем мечтам о широкой, как степь, деятельности и широкому полету мысли Чехов противопоставляет необъятную равнину, суровый климат и заключает: «Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня. В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...» [29. С. 632].

Мотив простора, таким образом, реализует в повести два плана образа степи: с одной стороны, он связан с мыслями человека о широкой, настоящей жизни, с другой – простор подавляет «маленького человека», делает очевидной его несоразмерность масштабам степи. Рассмотрим, как данный словесный мотив передан в имеющихся переводах повести на английский язык.

Необходимо отметить, что слово «простор» является исконно русским и относится к ключевым элементам русской национальной картины мира. В частности, исследователи подчеркивают глубокие семантические расхождения в значениях слов «простор» и «пространство» для носителя русского языка: «В слове простор обнаруживается ширина в большей степени, чем высота или глубина. <...> Пространство трехмерно, простор имеет только горизонтальное измерение. Если пространство не предполагает никакого наблюдателя, то простор – это всегда зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным степным пейзажем или с чистым полем. <...> Пространство может быть замкнутым, для простора самое важное – отсутствие границ» [30. С. 36–37]. Представляется, что эти различия не в последнюю

очередь обуславливают отсутствие единого эквивалента данному слову в переводах «Степи».

Впервые в повести мотив простора появляется в описании широкой степной дороги, по которой едет Егорушка. Этот пассаж задает тему несоответствия сказочных великанов реальным людям, населяющим степь: «Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги; то была серая полоса, хорошо выезженная и покрытая пылью, как все дороги, но шириною в несколько десятков сажен. Своим *простором* она возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой *простор*?» [29. С. 48].

Перевод Э. Кэй	Перевод К. Гарнет	Перевод Р. Хингли	Перевод Р. Уилкса	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской
Instead of the road, a kind of track very unusually wide, bold and imposing extended over the steppe. It was a grey strip much driven over and covered with dust like all roads, but several tens of yards in width. Its <i>width</i> aroused Egorushka's curiosity and turned his thoughts to legendary tales. Who drives along such roads? For whom is such <i>width</i> necessary? [8. P. 50]	Something extraordinarily broad, spread out and titanic, stretched over the steppe by way of a road. It was a grey streak well trodden down and covered with dust, like all roads. Its <i>width</i> puzzled Yegorushka and brought thoughts of fairy tales to his mind. Who travelled along that road? Who needed so much <i>space</i> ? [12. P. 223]	Straddling the prairie was something less a highway than a lavish, immensely broad, positively heroic spread of tract - a grey band, much traversed, dusty like all roads and several score yards in width. Its <i>sheer scale</i> baffled the boy, conjuring up a fairy-tale world. Who drove here? Who needed all this <i>space</i> ? [15. V. IV. P. 45]	Instead of a road something exceptionally wide with a majestic sweep of heroic proportions stretched over the steppe. It was a grey strip, much-used and covered with dust, like all roads, but it was many metres wide. The <i>sheer scale</i> of it bewildered Yegorushka and conjured up thoughts of the world of legend. Who travelled along it? Who needed all that <i>space</i> ? [17. P. 40]	Something extraordinarily broad, sweeping, and mighty stretched across the steppe instead of a road; it was a gray strip, well trodden and covered with dust, like all roads, but it was several dozen yards wide. Its <i>vastness</i> aroused perplexity in Egorushka and suggested folktale thoughts to him. Who drives on it? Who needs such <i>vastness</i> ? [22. P. 45]

Во втором фрагменте мотив простора появляется в контексте соотношения образа степи с общей судьбой всех персонажей повести: «Крест у

дороги, темные тюки, *простор и судьба людей*, собравшихся у костра, – всё это само по себе было так чудесно и страшно, что фантастичность небылицы или сказки бледнела и сливалась с жизнью» [29. С. 73].

Перевод Э. Кэй	Перевод К. Гарнет	Перевод Р. Хингли	Перевод Р. Уилкса	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской
The crosses by the road, the dark bales, <i>the wide steppe</i> , and the fates of the people gathered around the fire were in themselves so wonderful and fearful, that the fantastic unreal paled and mingled with the real [8. P. 84]	The cross by the roadside, the dark bales of wool, <i>the wide expanse of the plain</i> , and the lot of the men gathered together by the camp fire – all this was of itself so marvellous and terrible that the fantastic colours of legend and fairy-tale were pale and blended with life [12. P. 263]	The cross by the road, the dark bales, <i>the vast expanse around them</i> , the fate of those round the campfire – all this was so marvellous and frightening in itself that the fantastic element in fiction and folk-tale paled and became indistinguishable from reality [15. V. IV. P. 67]	The way-side cross, the dark bales, the <i>wide expanse of steppe and the destinies of those</i> gathered around the camp fire – all this was in itself so marvellous and terrifying that all that was fantastic about legends and folk-tales paled and could not be distinguished from real life [17. P. 67]	The cross by the roadside, the dark bales, <i>the vastness</i> , and the destiny of the people gathered around the campfire –all this was so wondrous and fearful in itself that the fantasticality of tall tales and stories paled and merged with life [22. P. 75]

В совокупности переводчики повести предлагают пять вариантов перевода слова «простор»: width (ширина, широта, расстояние) – space (пространство) – sheer scale (абсолютный масштаб) – vastness (широта, обширность, необъятность) – wide/vast expanse (широкое открытое пространство). Обращает на себя внимание то, что только в одном переводе из пяти (Пивера и Волохонской) сохраняется авторский повтор, в остальных переводах семантически целостный мотив оригинала распадается на ряд составляющих, что приводит к ослаблению его значения в тексте повести. Эквиваленты «width», «vastness» и «wide/vast expanse» выражают характеристику простора как пространства с доминирующей горизонталью, в отличие от эквивалента «space», несущего, как было указано выше, принципиально иную пространственную семантику. Отдельно необходимо отметить вариант перевода, предложенный Хингли и Уилксом. В словосочетании «sheer scale» прилагательное «sheer» имеет как значение «настоящий, абсолютный», так и «отвесный, вертикаль-

ный», что делает данный эквивалент наиболее противоречащим семантике слова «простор».

В целом во всех рассмотренных переводах «Степи», за исключением перевода Пивера и Волохонской, мотив простора передан со значительными потерями, что связано как с его объективной межкультурной «непереводимостью», так и с особенностями индивидуальной интерпретации переводчиками. В переводе Кэй в качестве сохранившегося семантического ядра данного мотива выступает широта (*width – width – wide steppe*), в переводе Гарнет, Хингли и Уилкса наблюдается наиболее широкий синонимический ряд (*width – space – wide expanse; sheer scale – space – vast expanse; sheer scale – space – wide expanse*), в который включаются понятия, очевидно, редуцирующие специфику словесного мотива оригинала (*space – sheer scale*). В переводе Пивера и Волохонской мотив простора представлен более целостно за счет сохранения повтора и сочетания в значении выбранного эквивалента «*vastness*» двух составляющих исходной семантики: горизонтальной протяженности и безграничности пространства.

Более последовательно в рассмотренных англоязычных переводах «Степи» передан мотив дали, непосредственно соотнесенный с мотивом простора, тем не менее его семантика также претерпела значительные трансформации. Слово «даль» (согласно словарю [31], далекое пространство, видимое глазом), как и простор, постоянно «удерживает» в тексте повести пространственную горизонталь, устремленную в бесконечность, формирует тем самым образ степи как бескрайнего и непреодолимого пространства («Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в *лиловой дали*»; «Увидел он то же самое, что видел и до полудня: равнину, холмы, небо, *лиловую даль*»; «холмы всё еще тонули в *лиловой дали*, и не было видно их конца» и т.д.).

В переводах данный словесный мотив воссоздается посредством существительного (*lilac, purple*) «*distance*», которое имеет значение «расстояние, промежуток между кем-либо или чем-либо» [32]. В нем изначально заложено существенное расхождение с исходной лексической единицей. Во-первых, в данном эквиваленте менее выражен момент зрительного восприятия пространства степи человеком, ключевой с точки зрения реализации мотивов простора и дали в чеховской повести; во-вторых, в английском «*distance*» ослаблена семантика бесконечности, оно указывает скорее на определенную, ограниченную протяженность пространства. При этом если Гарнет, Уилкс, Пивер и Волохонская сохраняют целостность чеховского мотива на уровне повтора, используя

почти во всех случаях употребления слова «даль» один эквивалент («distance»), то в переводах Кэй и Хингли мотив не только распадается на несколько семантических составляющих, но и подвергается более глубоким изменениям. Так, Кэй переводит «равнина с туманной далью» как «the plain with its misty limits» (равнина с ее туманными *пределами, границами*), что соответствует направлению интерпретации образа степи, заданному эквивалентом «distance», но вступает в очевидное противоречие с его авторской трактовкой. Хингли в том же и ряде других случаев заменяет «даль» на «горизонт», несмотря на то, что в чеховской повести это слово соотносится с пространством неба и тем самым получает самостоятельное смысловое наполнение.

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные переводы чеховской «Степи» являются самостоятельными репрезентациями оригинала, в своей совокупности они отражают все основные этапы переводческой рецепции повести в англоязычной культуре XX–XXI вв., демонстрируя ее продуктивность. Результаты проведенного сравнительно-сопоставительного анализа позволяют выдвинуть в качестве основной проблему интерпретации и воссоздания в англоязычных переводах образа степи, с которым связаны главные философские смыслы повести. Об этом свидетельствуют существенные трансформации мотивов простора и дали, формирующих в оригинале пространственную доминанту образа. Исследование показало, что трансформации связаны как с объективными культурно-языковыми различиями, ограничивающими возможности полноценного перевода, так и с индивидуальными стратегиями переводчиков, по-разному оценивающих место и значение этих словесных мотивов в тексте оригинала.

Список источников

1. Шерешевская М.А. Переводы (проза и письма) // Чехов и мировая литература : в 3 кн. / ред.-сост. З.С. Паперный, Э.А. Полоцкая ; отв. ред. Л.М. Розенблом. М. : Наука, 1997–2005. (Лит. наследство; Т. 100). Кн. 1. 1997. С. 369–405.
2. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л. : Наука, 1979. 493 с.
3. Bennett A. Adventures in Russian Fiction // The Soul of Russia / ed. by W. Stephens. L. : Macmillan and Co., 1916. P. 84–88.
4. Milner-Gulland R., Soboleva O. Translating and mistranslating Chekhov // Anton Chekhov: Bloom's Modern Critical Views. N.Y. : Bloom's Literary Criticism, 2009. P. 109–122.
5. Аленькина Т.Б. Комедия А.П. Чехова «Чайка» в англоязычных странах: феномен адаптации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 30 с.
6. Селезнева Е.В. Повесть А.П. Чехова «Скучная история» в англоязычной рецепции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 19 с.
7. Tchekhov A. The Steppe and Other Stories / transl. by Adeline Lister Kaye. L., 1915. 296 p.

8. Chekov A.P. The Steppe and Other Stories / transl. by Adeline Lister Kaye. N.Y. : Books for Libraries Press, 1970. 296 p.
9. Шерешевская М.А. К. Мэнсфилд и Чехов // Ученые записки ЛГУ. № 234 (Серия филологических наук. Вып. 37). Л., 1957. С. 214–218.
10. Tchekhov A. The Darling and Other Stories (The tales of Tchekhov. V. I) / transl. from Russian by Constance Garnett. L. ; N.Y., 1916.
11. Tchekhov A. The Duel and Other Stories (The tales of Tchekhov. V. II) / transl. from Russian by Constance Garnett. L. ; N.Y., 1916.
12. Tchekhov A. The Bishop and Other Stories (The tales of Tchekhov. V. VII) / transl. from Russian by Constance Garnett. L. : Chatto & Windus, 1919. 314 p.
13. Hingley R. Chekhov. A Biographical and Critical Study. L., 1950. 278 p.
14. Hingley R. A New Life of Chekhov. N.Y. : Knopf, 1976. 352 p.
15. Oxford Chekhov / tr. and ed. by R. Hingley. L. ; N.Y. : Oxford University Press, 1964–1980. V. I–IX.
16. Красавченко Т.Н., Серебряный С.Д. Чехов в зарубежном литературоведении // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 210–241.
17. Chekhov A. The Steppe and Other Stories, 1887–1891 / transl. with Notes by Ronald Wilks with an Introduction by Ronald Rayfield. L. : Penguin Books, 2001. 369 p.
18. Chekhov A. Ward No. 6 and Other Stories, 1892–1895 / transl. with Notes by Ronald Wilks with an Introduction by J. Douglas Clayton. L. : Penguin Books, 2002. 368 p.
19. Chekhov A. The Lady with the Little Dog and Other Stories, 1896–1904 / translated with Notes by Ronald Wilks with an Introduction by Paul Debrecezeny. L. : Penguin Books, 2002. 384 p.
20. Venuti L. The Translator's Invisibility. L. ; N.Y. : Routledge, 1995. 353 p.
21. Morson G. The Pevearsion of Russian Literature. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/gary-morson/the-pevearsion-of-russian-literature/> (дата обращения: 17.03.2021).
22. Chekhov A. The complete short novels / transl. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. N.Y. : Vintage Classics, 2005. 548 p.
23. Burak A. «Still» or «Yet» in Chekhov's «The Steppe»? What Kind of English does Chekhov Speak? // Ten steps along the «Steppe». Charles Schlacks, Jr. Publisher Idyllwild, CA, 2017. P. 153–181.
24. Громов Л.П. Реализм А.П. Чехова второй половины 80-х годов. Ростов н/Д : Ростов. кн. изд-во, 1958. 218 с.
25. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 184 с.
26. Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск : ТГУ, 2001. 521 с.
27. Пыхтина Ю.Г. Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX – начала XXI в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 30 с.
28. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : МГУ, 1979. 326 с.
29. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1974–1982. Т. 7. 1977. 735 с.
30. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. 696 с.
31. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 22.03.2021).

32. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 22.03.2021).

References

1. Shereshevskaya, M.A. (1997) *Perevody (proza i pis'ma)* [Translations (prose and letters)]. In: Rozenblyum, L.M. (ed.) *Chekhov i mirovaya literatura* [Chekhov and World Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 369–405.
2. Zhirmunskiy, V.M. (1979) *Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad* [Comparative Literature: East and West]. Leningrad: Nauka.
3. Bennett, A. (1916) *Adventures in Russian Fiction*. In: Stephens, W. (ed.) *The Soul of Russia*. London: Macmillan and Co. pp. 84–88.
4. Milner-Gulland, R. & Soboleva, O. (2009) *Translating and mistranslating Chekhov*. In: Bloom, H. *Anton Chekhov: Bloom's Modern Critical Views*. New York: Bloom's Literary Criticism. pp. 109–122.
5. Alenikina, T.B. (2006) *Komediya A.P. Chekhova "Chayka" v angloyazychnykh stranakh: fenomen adaptatsii* [A.P. Chekhov's comedy "The Seagull" in English-speaking countries: the phenomenon of adaptation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Selezneva, E.V. (2018) *Poves' A.P. Chekhova "Skuchnaya istoriya" v angloyazychnoy retseptsii* [A.P. Chekhov's "A Dreary Story" in the English-language reception]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Tchekhov, A. (1915) *The Steppe and Other Stories*. Translated by A.L. Kaye. London: [s.n.].
8. Chekov, A.P. (1970) *The Steppe and Other Stories*. Translated by A.L. Kaye. New York: Books for Libraries Press.
9. Shereshevskaya, M.A. (1957) K. Mansfield i Chekhov [C. Mansfield and Chekhov]. *Uchenye zapiski LGU*. 234. pp. 214–218.
10. Tchekhov, A. (1916a) *The Darling and Other Stories (The tales of Tchekhov)*. Vol. 1. Translated from Russian by C. Garnett. London; New York: [s.n.].
11. Tchekhov, A. (1916b) *The Duel and Other Stories (The tales of Tchekhov)*. Vol. 2. Translated from Russian by C. Garnett. London; New York: [s.n.].
12. Tchekhov, A. (1919) *The Bishop and Other Stories (The tales of Tchekhov)*. Vol. 7. Translated from Russian by C. Garnett. London: Chatto & Windus.
13. Hingley, R. (1950) *Chekhov. A Biographical and Critical Study*. London: George Allen & Unwin Ltd..
14. Hingley, R. (1976) *A New Life of Chekhov*. New York: Knopf.
15. Hingley, R. (ed.) (1964–1980) *The Oxford Chekhov*. London; New York: Oxford University Press.
16. Krasavchenko, T.N. & Serebryanny, S.D. (1985) Chekhov v zarubezhnom literaturovedenii [Chekhov in foreign literary criticism]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 210–241.
17. Chekhov, A. (2001) *The Steppe and Other Stories, 1887–1891*. Translated from Russian by R. Wilks. London: Penguin Books.
18. Chekhov, A. (2002a) *Ward No. 6 and Other Stories, 1892–1895*. Translated from Russian by R. Wilks. London: Penguin Books.
19. Chekhov, A. (2002b) *The Lady with the Little Dog and Other Stories, 1896–1904*. Translated from Russian by R. Wilks. London: Penguin Books.
20. Venuti, L. (1995) *The Translator's Invisibility*. London, New York: Routledge.
21. Morson, G. (n.d.) *The Pevearsion of Russian Literature*. [Online] Available from: <https://www.commentarymagazine.com/articles/gary-morson/the-pevearsion-of-russian-literature/> (Accessed: 17th March 2021).

22. Chekhov, A. (2004) *The Complete Short Novels*. Translated from Russian by R. Pevear, L. Volokhonsky. New York: Vintage Classics.
23. Burak, A. (2017) "Still" or "Yet" in Chekhov's "The Steppe"? What Kind of English does Chekhov Speak? In: Zubarev, V. et al. *Ten Steps along "The Steppe"*. Idyllwild, CA: Charles Schlacks, Jr. Publisher. pp. 153–181.
24. Gromov, L.P. (1958) *Realizm A. P. Chekhova vtoroy poloviny 80-kh godov* [A.P. Chekhov's realism in the second half of the 80s]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
25. Sukhikh, I.N. (1987) *Problemy poetiki A.P. Chekhova* [Problems of A.P. Chekhov's Poetics]. Leningrad: Leningrad State University.
26. Razumova, N.E. (2001) *Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva* [A.P. Chekhov's Creativity in the Aspect of Space]. Tomsk : TGU, 2001. 521 s.
27. Pykhtina, Yu.G. (2014) *Funktsional'no-semanticheskaya tipologiya prostranstvennykh obrazov i modeley v russkoy literature XIX – nachala XXI v.* [Functional-semantic typology of spatial images and models in Russian literature of the 19th – early 21st century]. Abstract of Philology Dr. Diss.
28. Kataev, V.B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow: Moscow State University.
29. Chekhov, A.P. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Compositions: In 18 vols]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
30. Zaliznyak, A.A. et al. (2012) *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow Yazyki slavyanskikh kul'tur.
31. Ozhegov, S.I. (n.d.) *Tolkovyy slovar' Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <https://slovarozhegova.ru/> (Accessed: 22nd March 2021).
32. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 22nd March 2021).

Сведения об авторах:

Олицкая Д.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: d.olitskaya@mail.ru

Черткова В.В. – аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vv.chertkova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Olitskaya, Cand. Sci. (Philology), Docent, associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.olitskaya@mail.ru

V.V. Chertkova, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vv.chertkova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.04.2021;
одобрена после рецензирования 12.05.2021; принята к публикации 16.10.2022*

*The article was submitted 21.04.2021;
approved after reviewing 12.05.2021; accepted for publication 16.10.2022*